

Цзи Кай воспринимал эти слова как шутку. Надо же, отец мечтает передать сыну миллиардное состояние, а сын и слышать об этом не хочет. Действительно, у богатых свои проблемы, весьма высокого полета.

— Дядя, вы бы не думали так категорично. На самом деле компания Вэйду тоже приносит весьма неплохой доход. К тому же разве у него нет младших братьев и сестер? Если ему нравится писать программы, он вполне способен сам себя прокормить и жить в свое удовольствие, так почему бы и нет?

В глазах отца Ли блеснул холодный огонек:

— То, что он зовет «способностью себя прокормить», лишь результат моего мягкосердечия. Я слишком долго позволял ему своеравничать. Стоит мне ударить по его бизнесу деньгами, и вся его мышьяная возня развалится в пух и прах. Разве тогда он не приползет послушно домой? Или, может, профессор Цзи собирается содержать его на свою зарплату в пару тысяч юаней?

«...» Цзи Кай задумчиво прикинул: если в один прекрасный день ему и правда придется содержать Вэйду, то они могли бы жить вместе в маленькой квартирке, ходить на рынок и торговаться за овощи... Вэйду ведь такой хозяйственный, они все равно были бы очень счастливы.

— Профессор Цзи, вам лучше убедить его, пока вы не вынудили меня пойти на крайние меры. Я делаю это исключительно ради его блага. Вэйду просто молод и бунтует, он понятия не имеет, что такое настоящий успех. Вот встанет однажды на мое место — тогда и поймет смысл выражения «не бойся облаков, что застлали взор».

Ладно-ладно. Цзи Кай больше не мог сдерживаться и окончательно переключился в режим «Брат Кай подсаживается поближе и раскладывает все по полочкам»:

— Дядя, вообще-то у каждого человека свои желания. Тот успех, к которому стремитесь вы, вовсе не обязательно нужен Вэйду.

Судя по наблюдениям Цзи Кая за последнее время, одной лишь технологической компании «Процветание» Ли Вэйду хватало по горло. А уж стоит ему начать встречаться с кем-то, как все его помыслы сводятся к тому, чтобы сидеть дома, ластиться, дурачиться, ходить за продуктами, готовить и наслаждаться сладкой семейной жизнью. Каждый раз, когда приходилось идти на сверхурочные, он отправлялся туда в мрачайшем настроении и с реками слез на глазах.

Если вверить ему целую бизнес-империю, поверьте, он за считанные минуты превратится в правителя-разорителя!

Губы отца Ли искривились в презрительной ухмылке:

— «Разные желания» — всего лишь отговорка обывателей, не способных чего-то добиться. Все люди в этом мире мечтают встать над другими, и исключений нет!

— Нет-нет, дядя, это называется «ограниченность ценностей».

Цзи Кай жестом подозвал официанта:

— Будьте добры, мне порцию запеченного дуриана с сыром, улиток в желтом вине, запеченное на углях яйцо с зародышем и порцию жареных куколок шелкопряда. — Затем поднял глаза и широко улыбнулся: — Дядя, я угощаю!

Отец Ли: «...»

— Я обожаю все эти блюда, а вот вам они, скорее всего, придется не по вкусу, верно? Видите, это и есть разница в личных предпочтениях.

«...»

— Раз уж вы навели обо мне справки, то наверняка знаете, что я родился в небольшом южном городке. В самой обычной рабочей семье. Мои родители — простые, добродушные и скромные люди, не видящие больших высот и не имеющие широкого кругозора. В детстве я учился хорошо, и каждый раз, когда приносил домой грамоту, мама невероятно гордилась. Она постоянно твердила, чтобы я старался, говоря, что в нашей семье наконец-то появится образованный студент университета. Однако лет с восьми или девяти я увлекся плотницким делом. И однажды вполне серьезно заявил отцу, что не хочу поступать в университет, а хочу стать плотником. В ту ночь родители проговорили в своей комнате до самого утра. А на следующий день отец вышел ко мне и сказал: плотником много не заработаешь, но и с голоду не умрешь. И если мне это действительно нравится и приносит радость, они с мамой поддержат меня несмотря ни на что.

Отец Ли хмыкнул:

— Со стороны родителей поддерживать подобные решения — высшая степень безответственности.

— Но, дядя, разве смыслом существования семьи не является именно это: «Пусть я не до конца тебя понимаю, я все равно уважаю твой выбор и люблю тебя без всяких условий»? Если даже самые близкие люди не способны понять и поддержать друг друга, то на кого еще нам полагаться в этом мире?

Лицо отца Ли мгновенно позеленело. Помолчав с полминуты, он выцедил:

— То, что Вэйдун нравятся мужчины, я уже более чем... более чем терплю! Почему же во всех остальных вопросах он не может быть послушным и подчиняться семейным решениям? До каких пор он собирается раз за разом позорить меня?

— «Терплю», «позорить»...

Цзи Кай ткнул вилкой в дуриановую начинку — в сочетании с запеченным сыром она издавала упоительный аромат. Лицо отца Ли потемнело еще сильнее.

— Но Вэйдун просто живет так, как считает нужным. Он ведь ничего вам не должен.

— Не должен?! С малых лет он ел и жил за мой счет, пользовался роскошью, недоступной другим детям, и он ничего мне не должен?! Даже если у меня и была обязанность содержать его, она закончилась в восемнадцать лет! А я оплачивал его учебу до самого выпуска из университета — разве это не благодеяние?!

— Но вы ведь и причиняли ему боль.

Из-за детских травм он столько лет страдал от бессонницы и спал только на лекарствах, да и сейчас время от времени просыпается в холодном поту от кошмаров.

Цзи Каю, ежедневно засыпающему в обнимку с ним, от мысли о том, что Вэйдун, возможно,

придется еще долгие годы — а то и всю жизнь — нести на себе этот шрам, становилось невыносимо больно. А виновник всего этого сидел прямо перед ним и даже не осознавал своей вины.

— Это он сам такой хрупкий! — нахмурился отец Ли. — У меня есть и другие сыновья и дочери, и ни у кого из них нет никаких психических отклонений!

Цзи Кай почувствовал глубокую беспомощность. В его голове пронеслись факты из прочитанной когда-то биографии: «В тринадцать лет ушел из дома создавать собственный бизнес, шесть-семь лет пробыл в подмастерьях, в двадцать заработал свой первый капитал. Позже в инвестициях почти не знал поражений, славился точным чутьем и решительностью, а к тридцати восьми попал в список богатейших людей».

— Конечно, заставить такого человека, как вы, признать свои ошибки — задача почти невыполнимая. Однако за двадцать с лишним лет ваши отношения с сыном стали чужими. Если бы речь шла о бизнесе, дядя, вы бы наверняка задумались о том, чтобы вовремя минимизировать убытки и сменить стратегию? Так почему же в отношении Вэйду вы проявляете такую слепую жесткость? Вы готовы и дальше ранить его, лишь бы не признавать свою вину, прикрываясь фразой «я делаю это ради его блага». Почему бы вам не относиться к нему как к равному, не проявить уважение и не поговорить по душам? Мой отец при жизни был самым обычным человеком и не оставил мне роскошного наследства. Но он понимал меня, относился ко мне не только как к сыну, но и как к другу. Я очень любил его и до сих пор глубоко уважаю.

«...» Отец Ли долго не мог найти слов, после чего процедил:

— Вы все еще слишком молоды. Пройдет пару лет, и вы поймете мои благие намерения!

Цзи Кай не знал, упрямится ли тот просто из гордости или действительно безнадёжен. Почувствовав усталость, он поднял взгляд и увидел у лестницы знакомый силуэт.

Ли Вэйду так торопился, прибежав прямо из компании, что явился в растрепанном виде и в очках в черной оправе. На самом деле Цзи Каю все больше нравился его такой домашний образ — он казался невероятно мягким и милым.

— Цзи Кай! Он... он ничего тебе не сделал?

Пока его взволнованно ощупывали за руки и лицо и крепко обнимали, Цзи Кай чувствовал себя совершенно счастливым. Все в порядке, Вэйду, со мной ничего не случилось. Мы лишь провели продуктивный и дружеский обмен мнениями с твоим папкой по поводу различий в жизненных взглядах.

— Пошли, уходим отсюда!

Увидев, как они взялись за руки, проигнорированный отец Ли больше не смог сидеть спокойно:

— Вэйду, мы не виделись целый год! Я звал тебя домой на Новый год, ты не пришел. И вот мы встречаемся, а ты относишься к родному отцу с таким полнейшим равнодушием?!

Ли Вэйду лишь с огромным неохотой обернулся:

— Если у вас будут ко мне дела, звоните напрямую. И пожалуйста, чтобы подобного тет-а-тет с ним больше никогда не повторялось.

Отец Ли вспыхнул:

— Ладно сам ты непутевый и не считаешь отца — я уж признаю, что у меня нет такого сына! Но мне что, уже и с будущим зятем поболтать нельзя?!

Цзи Кай: «...»

Ли Вэйду: «...»

#Люблю лежать на диване и быть невесткой, а будущий свекор упорно называет меня «зятем». Как быть? Срочно жду советов в сети!

Вскоре после того как отец Ли ушел, Цзи Каю пришел запрос на добавление в мессенджере: «Ли Чанцзи».

Цзи Кай его просто проигнорировал. Из-за чего в течение следующего часа «Ли Чанцзи» запомним всю его ленту заявок в друзья.

Ему безумно хотелось отпустить колкость. Он сдерживался, но в итоге не выдержал:

— Твой отец... у него что, вообще нет друзей?

— То, что у него нет друзей — вполне естественно, — холодно отчеканил Ли Вэйду. — С таким человеком разве кто-то осмелится дружить от чистого сердца? Ты тоже не обращай на него внимания. Там, где он появляется, ничего хорошего не бывает. Не говоря уже о том, что он мастак изворачивать факты и выезжать на жалости. Количество обманутого им исчисляется сотнями, если не тысячами.

«...»

— ...Обычный королева драмы, жаждущий сеять хаос вокруг, — Ли Вэйду опустил глаза, поджал бледные губы и тихо добавил: — Один в один как твой бывший Чжу Лин.

<http://bllate.org/book/18382/1767859>